

СЕКЦИЯ II. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА И УЧАСТИЕ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ КОАЛИЦИИ

Бетмакаев А.М. – Уважаемые коллеги, позвольте начать работу нашей секции. Слово для выступления предоставляется Игорю Александрович Еремину, кандидату исторических наук, доценту кафедры политической истории БГПУ.

Еремин И.А. **МЕЖДУНАРОДНАЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Трагические события 11 сентября 2001 г. в США стали водоразделом в истории послевоенного мира. Террористические атаки на объекты в Вашингтоне и Нью-Йорке, повлекшие за собой многочисленные жертвы среди гражданского населения, еще раз убедительно доказали, что на нашей планете нет абсолютно безопасных стран. После 11 сентября 2001 г. стал как никогда очевиден тот факт, что в одиночку противостоять ударам

террористов не может даже такая мощная держава, как США. В самом деле, цивилизованному сообществу брошен вызов не какой-то группой отчаявшихся фанатиков, а террористическим интернационалом с чрезвычайно разветвленной сетью своих организаций, осевших в десятках стран мира. Получив страшный удар по своим важнейшим военным и финансовым центрам, сравнимый с трагедией Перл-Харбора, администрация США во главе с Дж. Бушем объявила глобальную войну международному терроризму.

По мнению известного российского политолога, президента фонда «Политика» В. Никонова, суть случившегося в США заключается в том, что на место идеологического водораздела по линии Восток–Запад пришел раскол на богатый Север и нищий Юг. Классовое разделение все более стремительно замещается религиозно-этническим. Воюют не силы коммунизма и демократии, а различные этносы, представляющие основные религии. Прежде всего, это ислам с одной стороны, и христианство – с другой (Северный Кавказ, Балканы). Воинствующий исламский экстремизм начинает чувствовать себя в силах взять «исторический реванш» за крестовые походы. Коммунистическая или антикоммунистическая одержимость XX в. заменяется таким религиозным фанатизмом, который свою или, тем более, чужую жизнь не ценит ни на грош¹⁹. В том же духе высказался политический обозреватель П. Воцанов, рассуждая о войнах XXI в. С точки зрения П. Воцанова, цель этих войн – разрушение европейской цивилизации и христианства как религиозной основы ее существования.

Реакция России на американскую трагедию была в высшей степени солидарной. Первым из мировых лидеров свое сочувствие американскому народу выразил Президент России В. Путин. События 11 сентября 2001 г. заставили руководство России сделать стратегический выбор на сближение с Западом для борьбы с международным терроризмом. Решающим фактором для принятия такого решения было то, что Россия уже в течение длительного времени ведет свою войну на Северном Кавказе с ударным отрядом международного терроризма – чеченским криминал-сепаратизмом. Российским спецслужбам уже давно было известно о поддержке чеченских бандитов со стороны идейного вдохновителя и финансового спонсора международного терроризма Усамы бен Ладена и руководимой им организации «Аль-Каида». Причем эта поддержка осуществлялась в основном через Афганистан, ставший в последние годы при правлении режима «Та-

¹⁹ Труд. 2001. 15 сентября.

либан» штаб-квартирой и тренировочным лагерем самых опасных террористов планеты. Заинтересованность России в ликвидации очага терроризма в Афганистане объясняется также и тем фактом, что режим талибов представлял реальную угрозу безопасности бывшим советским республикам Центральной Азии, где проживают миллионы этнических русских. Потенциальный приход к власти в центрально-азиатских государствах сторонников радикального ислама создавал для южных рубежей России угрозу большой войны с непредсказуемыми последствиями.

В результате Россия внесла огромный вклад в дело разгрома баз террористов в Афганистане. Это официально признали и правящие круги Запада. В самом деле, без согласия российского руководства на предоставление нашими центрально-азиатскими союзниками своих аэродромов для авиации США и активной военной помощи антиталибскому Северному альянсу, силы которого в наземных боях рассеяли наиболее крупные отряды исламских фундаменталистов, успех международной антитеррористической операции в Афганистане был бы невозможен. Оказав помощь США и Западу, Россия защитила и свои национальные интересы, ослабив натиск воинствующего ислама на Северный Кавказ и стабилизировав ситуацию на южных границах СНГ.

Успех совместных контртеррористических действий в Афганистане вселил надежды на перерастание партнерских отношений России с США и Западом в союзнические. Но этого не произошло. Американская администрация действует на международной арене по известной формуле английских политиков XIX в.: «У Англии нет постоянных врагов и постоянных друзей; у нее есть только постоянные интересы». Американские интересы в современном мире очевидны. Коротко их суть можно изложить в следующем принципе: «Кто не с нами – тот против нас». Используя в качестве своеобразной политической индальгенции необходимость наказать организаторов терактов 11 сентября 2001 г., США стремятся укрепить свое положение единственной сверхдержавы в рамках однополярного мира.

Американские правящие круги делают все возможное, чтобы идущий в мире процесс глобализации проходил по американскому сценарию, а военно-политическое и экономическое присутствие США в разных уголках планеты увеличилось. При этом откровенно эгоистические цели преобладают в политическом поведении американского руководства. В этом ряду стоят решение о выходе из договора о ПРО от 1972 г., нежелание участвовать в реализации Киотского соглашения об уменьшении вред-

ных выбросов в атмосферу, введение высоких таможенных пошлин на ввозимую в США сталь и т.д. Кроме того, американские власти сами определяют, кого надо считать «террористом», а кого «борцом за свободу». По этой крайне необъективной классификации в ранге «борцов за свободу» до сих пор у американских властей числятся чеченские криминал – сепаратисты и албанские террористы. Эта линия проводится в рамках принятой на Западе в последние десятилетия так называемой политкорректности. Среди прочего, речь здесь идет о защите прав разного рода меньшинств. На деле политкорректность в западном варианте несет на себе явную печать лицемерия и предвзятости. Об этом свидетельствует, в частности, трагическая судьба косовских сербов.

Руководству России надо учитывать все эти факторы при выработке своей политики в отношении США и Запада. Кроме того, необходимо сопоставлять военно-экономическую мощь основных центров современной цивилизации и России. Так, если доля США в мировом промышленном производстве составляет 29%, а России всего лишь 1%, то ни о каком равноправном сотрудничестве говорить просто не приходится. Как и о возможности дать равноценный ответ на военную угрозу. Поэтому Россия сегодня должна внять призыву канцлера Горчакова и сосредоточиться на решении своих внутренних проблем, что может со временем вновь вернуть нашей стране статус могучей державы. А пока России ни в коем случае не стоит ввязываться ни в какие военные конфликты под эгидой США, которые выходят за рамки международной антитеррористической операции. А о том, что такие военные операции планируются руководством США, свидетельствует появление в их политическом лексиконе такого понятия, как «ось зла», куда вашингтонские стратеги включили Ирак, Иран и Северную Корею. Далее – надо четко понимать, что процесс продвижения военного блока НАТО на Восток необратим. Поэтому в противодействии этому процессу нужно ставить реальные задачи. Для этого в рамках новой политической структуры, которую сейчас пытаются создать под названием «девятнадцать плюс один», нашей стране следует добиваться того, чтобы на ноябрьской сессии НАТО в Праге решение о принятии в ряды альянса государств Прибалтики было бы перенесено на более поздний срок.

Вопросы и выступления

Аршинцева О.А. – У меня два вопроса к Игорю Александровичу. Первый: как бы Вы определили принципиальное различие в международном положении Великобритании в XIX в. и современной России, коль скоро

Вы призываете взять за основу английский опыт теперь уже позапрошлого столетия? В чем принципиальная разница, с Вашей точки зрения?

Еремин И.А. – Разница, конечно, колоссальная. Британия XIX в. – это мировая, выражаясь современным языком, «супердержава», крупнейшая колониальная империя, на территории которой никогда не заходило солнце, крупнейший финансовый центр мира, обладавший сильнейшим флотом, который (мировой центр) своей деятельностью координировал все мировые процессы. Современная Россия – страна, в экономическом плане, – сырьевой придаток мирового развитого рынка промышленно развитых стран; страна чрезвычайно ослабленная; страна с населением, которое каждый год сокращается почти на 1 миллион человек; страна, которая за последние 10 лет для своих вооруженных сил закупила несколько танков и самолетов, т.е. в военном отношении тоже не представляющая серьезной силы. Поэтому для современной России, я об этом говорил, самое актуальное – это призыв канцлера Горчакова сосредоточиться на внутренних проблемах. И здесь для нас должны превалировать такие принципы, что в условиях нашего ослабления у нас не должно быть какой-то четкой привязки к каким-то постоянным друзьям или конфронтации с какими-то постоянными врагами, ибо у нас нет ресурсов для того, чтобы с кем-то конфликтовать, и нет опять же какой-то экономической привлекательности, чтобы с кем-то постоянно дружить. Взять хотя бы современный Китай. Нам нужно в этом плане занимать очень осторожную позицию.

Аршинцева О.А. – По ходу второй вопрос – продолжение первого. Во внешнеполитической области для России, если выстраивать внешнеполитические приоритеты, в чем состоит первый и главный национальный интерес? Понятно, что на внутреннем положении нам надо сосредоточиться, хотя я не очень разделяю такие прямые исторические ассоциации, они требуют оговорок, а во внешнеполитической сфере каков, с Вашей точки зрения, основной национальный интерес?

Еремин И.А. – С моей точки зрения, это, прежде всего, постараться сохранить серьезное влияние на постсоветском пространстве. Потому что, учитывая присутствие американцев в Центральной Азии и Закавказье, разговоры о возможности вступления Украины в НАТО, получается, что наше влияние в бывших республиках Советского Союза сокращается, как шагреновая кожа. И если такая тенденция будет нарастать, то условий собственного экономического возрождения России не будет, то есть, будет еще больше проблем в этом развитии. И даже скромный нынешний

статус нашей страны, которая подпирает свое величие еще сохранившимся с советских времен ядерным потенциалом, – этот статус будет еще более скромным. Поэтому я считаю, что на это нам нужно обратить главное внимание. И первым шагом я бы считал создание единого государства с Белоруссией, но не на принципах того союза, о котором сейчас говорят, ибо это мертворожденное дитя – никакого союза на тех принципах, которые сейчас провозглашаются, не будет. А воссоединение Белоруссии с Россией я считаю первым шагом к воссозданию российской мощи.

Щеглов С.Г. – Игорь Александрович, вопросы задавать легче, чем на них отвечать. У меня два вопроса, один простой. Как-то Вы романтически относитесь к нашей армии. В моем представлении она всегда была легендарной, и я не думаю, что отсутствие каких-то ресурсов сдерживает нас от участия в каких-то событиях. Вы вспомните хотя бы 1812, 1941 гг., у нас, казалось, этих ресурсов больше, чем надо, но мы ими воспользоваться не можем, и в итоге – куча трупов. А вспомните Югославию, когда 200 десантников взяли и через всю Югославию прокатились, непонятно, к чему это могло бы привести! Что, у них разве большие ресурсы были? 3 диска, 2 автомата, бронетранспортер. Но прокатились, шуму наделали, полковник стал генералом – героем России. То есть, мною не воспринимается такое романтическое отношение к нашей армии как сильный аргумент. Так вот, действительно ли Вы убеждены, что у нашей армии отсутствуют серьезные резервы?

И второй вопрос. Почему Вы считаете 11 сентября неким водоразделом в послевоенном мире, имеется в виду, после Второй мировой войны? Что произошло-то такого особенного? То, что самолеты врезались в дом, и это новая форма терроризма, террористического акта? Может быть, да. А что, до этого не было террористических актов? Были! Может быть, это знаковое событие во многом раздуто СМИ? Но даже сама формула тарана известна, как только самолеты появились: таранили друг друга в воздухе, таранили поезда, здания, таранили корабли, причем сознательно, например, в Японии камикадзе были. Погибло много людей? А что, от терроризма мало людей погибает? Стало известно, что от терроризма невозможно защититься границами? Это тоже не новость. Никто нас не останавливал, когда мы рвали немецкие корабли на итальянских рейдах, никто не останавливал того же Каддафи с его людьми, и у нас никто не останавливал тех, кто взрывал дома в Москве и Буйнакске! Почему Вы считаете это все-таки водоразделом?

Еремин И.А. – Спасибо, я отвечу на оба Ваши вопроса. Итак, начну с первого – состояние армии. На последнем заседании правительства начальник Генерального Штаба Квашнин заявил, что состояние нашей армии является закритическим. Не критическим, а закритическим, то есть армия, в принципе, сегодня не боеспособна прежде всего, из-за отсутствия нормального финансирования. Что касается патриотизма, то есть пример 6-й роты десантников, которая полегла, но остановила огромные банды Хаттаба. Но если мы таким путем будем воевать, то у нашего вымирающего населения вообще никого не останется. Раньше ведь как говорили: в XIX в., при царе, воевали в Крымской войне, понесли потери большие – «ничего, бабы нарожают». А теперь не нарожают, рождаемость отрицательная, смертность превышает рождаемость в 3 раза. Поэтому здесь очень тяжелая и опасная ситуация, и тенденция эта нарастает. Мы все понимаем, что не бывает такого в мире, что такая огромная страна и такая слабая, такая малонаселенная, а рядом, к примеру, более чем миллиардный Китай. Никогда такого не может быть, чтобы более сильные соседи просто смотрели и не воспользовались этим.

Теперь что касается второго вопроса, который, безусловно, более сложен. Я имею в виду под водоразделом тот момент, что все-таки до 11 сентября руководство США старалось закамouflировать свое стремление к однополярному миру. Были разного рода оговорки, словесные реверансы в сторону многополярного мира. Но событие 11 сентября подорвало этот порядок. Американцы, я уже устал это слово использовать, в качестве индульгенции для наказания виновников организации этих терактов открыто взяли на себя функции «мирового полицейского». В чем здесь новизна события? Об этом говорил уже Олег Николаевич Барабанов, он только сказал об одном аспекте, что Россия стратегически присоединилась к этой колеснице. Но он не сказал о другом, что к этой колеснице вынуждены были присоединиться, пусть пассивно, но, тем не менее, Китай и Индия. То есть, американцы сумели добиться глобального влияния даже в тех районах, в которых у них раньше никогда ничего не получалось. Они одним махом сумели проникнуть в Пакистан и сделать его главным союзником и т.д. И в этом плане идет совершенно циничная, совершенно откровенная борьба за передел уже поделенного мира. Причем американцы готовы, как голодный хищник, образно выражаясь, куски мяса у живого существа вырывать, не останавливаясь ни перед чем, для того, чтобы установить свой контроль над системами транспортировки энергоносителей.

Притчина Е.В. – Игорь Александрович, как Вы считаете, адекватно ли международный терроризм описывать в прежних терминах биполярного мира? То мы рассматривали противостояние Восток-Запад, теперь мы говорим о противостоянии Юг-Север, но, смотрите, действительно ведь 11 сентября – это знаковое событие, по многим обстоятельствам, но терроризм существует в Англии, в Испании. Какой Юг и какой Север борются в нашей Чечне? И, наверное, неслучайно террористы 11 сентября взяли на себя сразу, по его совершению, несколько организаций, в том числе далеко не бедной Японии. Может быть, уже устарели эти категории, которыми мы привыкли мыслить, и пора от них отрешиться и в соответствии с этим пересмотреть наши национальные интересы, Вы так не считаете?

Еремин И.А. – Я с Вами во многом согласен и, прежде всего, в том, что сейчас идет отказ от классового подхода, я имею в виду то, что было раньше, – страны ОВД, страны НАТО. «Повстанцы, партизаны» – это те, кто воевал за СССР, «террористы» – это те, кто воевал за США. Север-Юг используется потому, что это, по моему мнению, наиболее реалистичский взгляд на произошедшие события. Потому что подавляющее большинство политологов все-таки видят главнейшую причину случившейся трагедии в чудовищном социальном неравенстве между так называемым «золотым миллиардом», самыми богатыми, промышленно развитыми странами мира и всем остальным развивающимся миром, куда сегодня относится и Россия. Всего в мире 6 миллиардов, получается, на одном полюсе один миллиард, а на другом остальные 5 миллиардов. Я считаю, что нужно очень аккуратно использовать такие ярлыки, как исламский терроризм и т.д., но то, что здесь социальный фактор очень мощно присутствует, это несомненно, и это нужно учитывать!

Гончаренко А.И. – Я солидарен с Игорем Александровичем, выражая опасения в том плане, что при наличии сильных в количественном составе соседей у России есть слабость, есть основания беспокоиться о сохранении собственной целостности, ибо Россия всегда либо существовала сильным государством, либо ее в том виде, в котором она представлена сейчас, просто не было. Я также разделяю опасения по поводу Китая. И у меня два вопроса. Первый: как Вы считаете, курс президента Путина после 11 сентября, достаточно неожиданный для большинства из политической элиты, это дальновидная стратегия или признание собственной слабости?

И второй вопрос: из Ваших уст прозвучала фраза о стратегическом развитии единого государства с Белоруссией. Как Вы себе реально пред-

ставляете это сегодня? Это должна быть федерация, когда в ее состав входит наряду с Башкортостаном и другими республиками Белоруссия, или это конфедерация? И как Вы реально представляете при президенте Лукашенко выход их этой коллизии? Или же это обращение в никуда, Вы просто считаете, что государство должно быть единым, а когда – это перспективы неизвестно какого времени?

Еремин И.А. – Спасибо за Ваши вопросы, начнем с первого. Итак, на мой взгляд, решение, которое было принято президентом Путиным, затрагивало оба аспекта. С одной стороны, безусловно, он учитывал нашу слабость и невозможность проводить самостоятельную линию на международной арене, с другой стороны, Путин, по моему мнению, придерживается прозападных политических взглядов, поэтому его решение о союзе с Западом носило стратегический характер.

Что касается вопроса о Белоруссии, то я поместил на страницах «Алтайской правды» в декабре 1999 г. свою статью под заголовком «Родные братья должны жить в одном доме». И как раз в этой статье я обосновывал необходимость создания федерации при вхождении Белоруссии в состав России на правах субъекта федерации, разумеется, без права выхода, как республики Башкирия, Татария, через всенародный референдум, на котором был бы отчетливо сформулирован вопрос о вхождении Белоруссии в состав России и потере ею национального суверенитета. Вот только в таком случае можно говорить, что у нас что-то получится, а все остальные варианты – это, конечно, игра. У нас был Советский Союз, где было 15 республик, чем это закончилось – известно, здесь две республики, ситуация будет такая же.

Что касается Лукашенко, дело, конечно, во многом в нем, потому что он понимает, что, пока он глава суверенного государства, он имеет возможность считаться лидером, в том числе на международных встречах. А когда он будет одним из 90 руководителей субъектов федерации РФ, ситуация будет другой. Но я думаю, что есть возможность, если право будет дано народу через референдум решить, наконец, вопрос о присоединении Белоруссии к России, потому что, согласно опросам, большинство россиян и белорусов выступают за воссоединение Белоруссии с Россией.

Боронин О.Н. – У меня два вопроса, очень коротко. Первый такой: вот этот тезис о том, что угроза национальной безопасности для государств постсоветской Центральной Азии и безопасности южных рубежей России исходила от движения «Талибан», от исламского эмирата в Афганистане. Мне хотелось бы авторскую позицию услышать: собствен-

но говоря, какая угроза? Что касается постсоветской Центральной Азии, то те исламистские группировки, которые действовали в наших постсоветских государствах Узбекистан, Таджикистан, их базы размещались на территориях, подконтрольных Северному Альянсу на севере Афганистана. Основная угроза национальной безопасности постсоветского пространства Центральной Азии – это внутренние проблемы.

И второй вопрос: стабилизация Афганистана в интересах национальной безопасности России. Хотелось бы здесь сказать, как бы цинично это ни было. Дело в том, что «Талибан» не разгромлен, потенциал их не разгромлен. В этой связи, на самом ли деле, по Вашему мнению, стабилизация Афганистана способствует безопасности южных рубежей России?

Еремин И.А. – Спасибо, буду отвечать короче. Всем известен факт, что лидер узбекских исламистов Джума Намангани до начала антитеррористической операции занимал при режиме талибов пост заместителя министра обороны. Кстати говоря, он был убит в ходе этой антитеррористической операции, это огромная победа. Также в ходе операции погибло более 500 бандитов, разве это для России не выгодно?

Что касается второго вопроса, то до полной стабилизации Афганистана еще далеко, но то, что мы сейчас оказываем там конкретную социально-экономическую и политическую помощь, это стратегически правильный выбор. Он заключается опять же в том, о чем я говорил ранее. Учитывая, что там до сих пор живет более 5 миллионов этнических русских, мы должны делать все возможное, чтобы Афганистан был мирным соседом Центральной Азии, чтобы люди там не держали в руках оружие, не сеяли опийный мак и не продавали его потом в Россию и Центральную Азию, а занимались нормальной мирной экономикой. Тогда обстановка будет там стабильной, имеется в виду в Таджикистане, Киргизии и Казахстане.

Курныкин О.Ю. – Я не совсем согласен с фразой, что 11 сентября ничего не произошло. Нет, произошла серьезная вещь. Просто в истории бывают такие моменты, когда количество переходит в качество. Это подобно, прошу прощения за сравнение, назревшему гнойнику, который прорвался и к которому резко возрастает внимание мирового сообщества. И сейчас идет попытка осмысления того, что же произошло. И мне кажется, что сейчас основная проблема – это проблема стереотипов восприятия всего этого. И в прозвучавшем сообщении, мне кажется, есть отголоски этих стереотипов, в том числе стереотип восприятия исламской угрозы, исламского терроризма. Я беру на себя смелость констатировать, что мы не знаем, с чем имеем дело. Мы не знаем этой проблемы. У

меня такое ощущение, что мы пытаемся внешне оценить это явление, не понимая самой логики истории исламской цивилизации как таковой.

В исламской истории сейчас XIV-XV вв. Это приблизительно период «крестовых походов» для христианства. У меня такое ощущение, что здесь происходит импульс истории ислама, новый его всплеск. Для ислама это те же самые «крестовые походы», и мы должны это воспринимать как долговременное историческое явление и, соответственно, искать ответ на него. Точно также мне кажется, что прозвучавшая несколько раз фраза о чеченском криминал-сепаратизме – это тоже стереотип, который нам не позволит решить чеченскую проблему. Начиная с восстания Мансура в XVIII в., Шамиля в XIX в., Дудаева в XX в., каждое столетие чеченцы так или иначе проявляют себя. Это не чеченский криминал-сепаратизм, точнее говоря, только с этих позиций понять эти события невозможно. И мы сами себя загоняем в такие рамки, из которых не найдем выход. Поэтому эти проблемы, связанные с национальной безопасностью, во многом проблемы собственного неадекватного восприятия событий. На этом я и хотел бы сосредоточить внимание.

Бетмакаев А.М. – Продолжает наше обсуждение Александр Владимирович Ващенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, ответственный секретарь Краснодарского отделения Российской ассоциации международных исследований (РАМИ).

Ващенко А.В.
РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОЗДАНИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ: ЮЖНЫЙ
РЕГИОН – КАВКАЗ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI вв.)

Уважаемые коллеги! В начале своего выступления я хотел бы выразить благодарность организаторам данной конференции за приглашение. Я представляю Кубанский государственный университет, город Краснодар. Сегодня в первом докладе уже упоминались и Грузия, и Украина, и другие государства, граничащие с Россией на юге, поэтому, думаю, что некоторые аспекты моего доклада будут интересны всем присутствующим.

События 11 сентября 2001 г. в США подтвердили важность проблем, связанных с вопросами безопасности. Проблема создания эффективной системы безопасности как на глобальном, так и на региональных уровнях является доминирующей в международных отношениях на современном этапе.

Цель сообщения: рассмотреть влияние внешней политики Российской Федерации на процесс формирования региональной системы безопасности (южный регион – Кавказ).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить концептуальные основы российской внешней политики в данном регионе; 2) определить структурные элементы региональной системы безопасности, их цели и задачи; 3) исследовать механизм и характер взаимодействия этих элементов; 4) определить возможные угрозы и способы их минимизации.

Географически под южным регионом понимается: Предкавказье, включающее Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, Республику Адыгея и Северокавказские республики, входящие в состав РФ. В более широком плане это – независимые государства, граничащие с Россией: Украина, Болгария, Румыния, Турция (через Черное море), Иран и государства Средней Азии (через Каспийское море). Термин «Кавказ» подразумевает как российский северный Кавказ, так и государства Закавказья (Армению, Грузию, Азербайджан)²⁰.

Понятие «роль Российской Федерации» подразумевает возможность влияния РФ на процесс формирования региональной системы безопасности. Данное влияние может осуществляться либо через механизм внешней политики, либо через действия негосударственных акторов (общественные организации, национальные и религиозные движения). Под «внешней политикой» понимаются действия государственных структур РФ (МИД, МВД, ФСБ, МО) на международной арене с целью достижения национальных интересов.

Понятие «система безопасности» подразумевает консолидированную стратегию группы акторов, направленную на минимизацию существующих угроз. Наличие системы предполагает высокую степень идентичности внешнеполитических целевых установок и потенциальных угроз, а также проведение комплексных мероприятий политического, экономического, дипломатического, военно-стратегического и культурно-идеологического характера, направленных на защиту акторов, входящих в данную систему. Основные положения внешней политики РФ в сфере безопасности были изложены в «Концепции национальной безопасности-2000» (КНБ-2000)²¹,

²⁰ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001. С. 43–44.

²¹ Утверждена Указом Президента РФ N24 от 10 января 2000 г.

Военной доктрине РФ²², «Основах политики РФ в области военно-морской деятельности до 2010 г.»²³, «Концепции внешней политики РФ»²⁴.

Исходя из анализа этих документов, главной стратегической целью РФ в южном направлении является достижение безопасности южных рубежей страны, что понимается как сохранение суверенитета, территориальной целостности, ликвидация конфликтов и противостояние глобальным угрозам нового типа. Именно этим задачам и должна отвечать формируемая система региональной безопасности, являющаяся частью более широкой глобальной системы. Безусловно, она должна носить многоуровневый и многофункциональный характер. На сегодняшний день можно выделить как минимум три уровня системы: глобальный, региональный и местный. По характеру отношений между акторами система может быть преимущественно геополитической (конфликтной) в том случае, когда в отношениях между государствами преобладают геополитические интересы (обладание территориями или ресурсами), либо преимущественно экономической, когда общие цели побуждают акторов к сотрудничеству.

Глобальный уровень предполагает отношения между США, Россией, ЕС, НАТО. Этот уровень характеризуется относительной монополярностью и конфликтностью. Причем, чем выше степень проявления глобального лидерства со стороны США, когда интересы других акторов учитываются не в полной мере, либо не учитываются вообще, тем выше степень конфликтности. Необходимо отметить, что, несмотря на значительное ослабление военного присутствия России в регионе, угрозы военного характера не являются доминирующими, прежде всего, благодаря наличию ядерного оружия, которое пока является эффективным фактором сдерживания. Согласно Военной доктрине, «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»²⁵. Главная угроза для РФ на этом уровне – стремление США и их союзников (ЕС и НАТО) закрепиться в регионе, вытеснив из

²² Утверждена Указом президента РФ N706 от 21 апреля 2000 г.

²³ Утверждены Указом Президента РФ в марте 2000 г.

²⁴ Утверждена Указом Президента РФ в июле 2000 г.

²⁵ Колобов О.А. и др. Россия – США – НАТО: динамика современных взаимоотношений и возможности преодоления кризиса доверия. Н.Новгород, 2000. С. 221.

него Россию. Цель – контроль источников и путей транспортировки углеводородного сырья Каспия²⁶. Эта тенденция просматривается в многочисленных проектах, предлагаемых западными странами²⁷.

На региональном уровне проводником западной и натовской позиции является Турция, которая после распада СССР претендует на роль региональной сверхдержавы, усиливается в военном плане, оказывает помощь прозападным силам в Закавказье и сепаратистским движениям²⁸. Часть турецкой политической элиты усиленно проповедует идеи «Великого Турана», оказывая неформальную финансовую поддержку миграции тюрко-язычных народов (например, туркам-месхетинцам на территории Краснодарского края).

На местном уровне (это касается как новых независимых государств – Украины, Грузии, Азербайджана, Армении, так и национальных кавказских республик РФ) Россия должна поддерживать те силы, которые ориентируются на нее, одновременно пресекая крайние проявления экстремизма любого рода. Данный уровень важен для налаживания элементов сотрудничества. Геополитический (конфликтный) подход имеет огромное значение. Безусловно, его необходимо учитывать при формировании региональной системы безопасности, но в перспективе он ведет к конфронтации. В условиях, когда не развита договорно-правовая база, преобладают горизонтальные, неформальные и полуофициальные связи между представителями региональных элит, будущее за системой т.н. «динамической стабильности». Данная система предусматривает предупреждение большого конфликта «не через попытки устранения неустранимого – множества территориальных, этнических и иных противоречий, а через стимулирование в опережающей динамике потенциала позитивных, прагматических, взаимоперекрещивающихся интересов»²⁹. Это усиливает взаи-

²⁶ См.: Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 2000. С. 803–813.

²⁷ См.: Челак С., Эмерсон М., Точки Н. Пакт стабилизации для Кавказа. Консультативный документ специальной группы СЕПГ по проблемам Кавказа. Брюссель, 2000; Планы стабилизации Кавказа: Запад и российские интересы. М., 2001.

²⁸ Самохин А.А. Новые аспекты военно-политической ситуации в Черноморском регионе // Глобализация и регионализм (Черноморский регион – Балканы). М., 2001. С. 183–194; Европа и Россия: проблемы южного направления (Средиземноморье – Черноморье – Каспий). М., 1999.

²⁹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. С. 52.

мозависимость акторов и делает конфликт в острой форме невыгодным. По мнению А.Д. Богатурова, «характер динамической стабильности начинают приобретать отношения между Украиной и Россией»³⁰. Можно добавить, что то же происходит и с Арменией, Грузией, Азербайджаном, Ираном и другими региональными акторами. Подобные отношения при определенных условиях возможны и с Турцией.

В современных условиях, когда на региональных уровнях существует многополярность, а на глобальном – монополярность, функционирование этой модели нуждается в модификации. Региональные акторы вправе рассматривать глобального лидера как инструмент для достижения безопасности и стабильности. Поскольку закон баланса сил продолжает действовать, главная задача региональных акторов – ограничить действия глобального лидера рамками совпадающих интересов. Другими словами, оказывать ему всестороннюю помощь в тех сферах и направлениях, где совпадение интересов максимально, и консолидированно противодействовать там, где интересы глобального лидера не совпадают с интересами региональных акторов. Таким образом, роль России заключается в формировании активной региональной среды с максимальным развитием элементов сотрудничества в тех секторах, где имеется совпадение интересов (например, борьба с терроризмом, международной преступностью, наркотрафиком, решение экологических проблем), и замораживании конфликтности через противостояние экстремизму.

Вопросы и выступления

Аршинцева О.А. – Я хочу отметить, что это очень интересный и совершенно необычный региональный материал, спасибо Вам, Александр Владимирович, что Вы эту информацию нам предоставили. Вопрос в связи с этим такой. Как бы Вы смогли кратко, возможно, одной фразой, определить этнополитическое своеобразие региона, который Вы обозначили как предмет исследования, то есть юга России?

Вашенко А.В. – В кулуарах, так сказать, общаясь с Юрием Георгиевичем Чернышовым, мы пришли к выводу, что надо сотрудничать, поскольку Алтайский край тоже пограничный, и мы тоже находимся на границе, в чем и состоит самое большое своеобразие. Кроме того, как Вы знаете, это казачий, сельскохозяйственный регион, то есть население достаточно консервативное. Что касается религии, то это православие. И еще одна особенность – это то, что казачество даже в настоящее время развивает местное самоуправление. Их позиция, например, в отношении

³⁰ Богатуров А.Д. Указ.соч. С. 52.

беженцев такова: если вы приходите, то живите по тем правилам, которые складывались здесь веками. Есть русская поговорка, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Если вы не хотите жить по тем законам, которые здесь существуют, то ищите себе другое место, но ведь часто дело доходит до конфликта. Почему возник этот конфликт с турками-месхетинцами? Ведь по-русски они говорить не хотят, в школу они не ходят. То есть, их цель состоит в том, и лидеры общин этого не скрывают, чтобы потребовать культурную и религиозную автономию, как только за счет увеличения уровня рождаемости население в некоторых районах превысит 13–15%.

А почему кубанцы выступают против продажи земли? Тут даже дело не экономического характера. Покупка земли, а деньги у них есть – Турция дает, уже может привести к такому же сценарию, как в Косово. Тогда говорили, что в Косово геноцид албанского народа. Там не было геноцида, просто статистику надо посмотреть. 1945 г., сербского населения 25%, албанского – уже под 60%, затем к началу 90-х гг. сербского населения 5%, албанского уже 95%, за счет увеличения рождаемости, эмиграции. Албанцы сами шутят, что Третью мировую войну в Европе, если она разразится, выиграет албанская женщина. Хотя там проживает масса общин: и греки, и армяне. Отношения там не скажу, что идеальные, но до конфликтов, как с крымскими татарами и турками-месхетинцами, не доходило.

Гончаренко А.И. – Прежде чем задать Вам вопрос, я хотел бы сделать небольшую ремарку по поводу того, что у Вас прозвучала фраза, что ядерное оружие служит для стратегического сдерживания и т.д. Видимо, отставка министра обороны Сергеева в свое время была знаковой в том смысле, что был сделан выбор в отношении военной доктрины в пользу начальника Генштаба Квашнина. И сейчас мы пожинаем плоды этой доктрины, в результате которой мы и потеряли, в первую очередь, сухопутное ядерное сдерживание. Это повлекло за собой и выход Америки из ПРО достаточно свободно, и другие вещи, которые мы вынуждены сегодня признавать как факт. Некоторые тактические моменты здесь уже проиграны. Нам приходится только эти факты признавать. Но вопрос в следующем: как Вы считаете, какова роль политики губернатора Ткачева по вопросам межнациональных отношений и создания региональных систем безопасности (в частности, секторальных систем безопасности)? Служит ли это на пользу России?

Ващенко А.В. – Ткачев недавно находится у власти, я скажу, что это промосковский политик, по сравнению с Кондратенко. У него, конечно,

не тот авторитет, который был. В принципе, как скажут в Москве, так он и сделает. В данном случае это была попытка привлечь внимание к тому, что проблема существует, что надо что-то делать. У местной миграции есть закон, который противоречит федеральному. По федеральному закону у нас демократия, и каждый вправе жить там, где он захочет. Но совершенно не учитывается специфика Краснодарского края, что это приграничный регион, что там нужно каким-то образом регулировать вопросы миграции. И в конце концов Ткачев был вынужден заявить о том, что если центр не примет какого-либо решения, то придется пользоваться министерским, внутриэвдэшным законом, который был принят еще в 80-е гг. Тогда много вьетнамцев оставалось у нас, они жили без регистрации, их просто собирали в самолеты и отправляли на родину. Получается, что есть регистрация – живи, нет – будут выселять. Но сегодня, я хочу сказать, что из турок-месхетинцев выслали всего одного человека, и то причина была не в национальности, а возникло како-то уголовное дело. И сами турки-месхетинцы попросили убрать этого человека, чтобы не обострять отношения с местным населением, с казачеством.

Курныкин О.Ю. – Мне хотелось бы конкретно спросить об абхазско-осетинской проблеме. В чем национальные интересы России в отношении этих двух конфликтов? И есть ли у России продуманная долгосрочная политика в отношении Абхазии и Южной Осетии?

Ващенко А.В. – Продуманной политики в отношении этих регионов нет, и Россия действует исходя из сложившейся ситуации. А первопричина кризиса – политика Шеварднадзе, то есть его клана, который держится за власть. Интересы Грузии его не занимают вообще, и практически Грузия находится сейчас на пороге распада. Так, кроме Южной Осетии и Абхазии, можно еще Аджарию выделить, которая практически автономна. Если бы у России была какая-то продуманная политика, то Абхазия уже давно была бы в составе России. Я сам из Сочи, я, в общем-то, и учился с абхазами в одном классе, и сейчас поддерживаю контакты. То есть, там это старая проблема. Сейчас это из-за того, что им как-то надо жить, а с Грузией вообще никаких отношений нет.

Бармин В.А. – Я с большим сомнением слушаю Ваши рассуждения о том, что Абхазия давно бы была уже в составе России, если бы у России была бы продуманная политика. Но Вы же понимаете, что это ожидания коллапса. Чечня и Абхазия – это вещи одного порядка. Просто у Грузии нет такой силы, которая есть у России для того, чтобы удержать Абхазию, а у России пока есть, чтобы удержать Чечню. Если мы создадим прецедент с Абхазией – пойдет вразнос вообще все шаткое равновесие в этом регионе!

Ващенко А.В. – Я не согласен, что Чечня и Абхазия – вещи одного порядка. Вот Адыгея и Абхазия – вещи одного порядка. Когда в Чечне началась первая чеченская война, адыгейцы там стали танцевать свои воинственные пляски и собирать добровольцев, чтобы помочь своим братьям по крови. Но как только созрели помидоры, вышли старики и сказали: «Ребята, все на поля!». Доход от адыгейских помидоров пропадает. Тут очень тесные экономические связи между Адыгеей и Россией. Все пошли на поля, а затем на рынки – продавать помидоры, но никто не поехал в Чечню. То же самое с Абхазией, там настолько тесные экономические связи. В Абхазии нет ничего, кроме мандаринов, фейхоа и курортов. Нет никаких полезных ископаемых, ничего. Поэтому экономические связи с Россией жизненно важны для Абхазии. И воевать с Россией или что-то еще делать невозможно!

Бармин В.А. – Нет, Вы не поняли меня. Никто не собирается воевать с Россией. Речь идет о сложившемся положении вещей.

Ващенко А.В. – Я понял, я сказал в своем выступлении, что сложившаяся ситуация, безусловно, нарушает территориальную целостность Грузии, ее суверенитет. Но не вина России в том, что абхазы сейчас тянутся к России. Это политика руководства Грузии, которая перекрывает всякого рода возможности сотрудничества и налаживания каких-либо контактов с абхазами. Они разговаривают с позиции ультиматума, но абхазы-то выиграли войну, какие тут могут быть ультиматумы? Надо идти на компромисс!

Бетмакаев А.М. – Мне кажется, что в своей дискуссии мы несколько увлеклись политической стороной проблемы. Поэтому будет уместным послушать сообщение, посвященное состоянию научного анализа современных международных отношений. Послушаем выступление Владимира Сергеевича Бойко, кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории БГПУ.

Бойко В.С.

ПОЛИТИКА США В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г.: НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫЙ КОМПОНЕНТ

События 11 сентября 2001 г. и начавшаяся военная кампания анти-террористической коалиции во главе с США оказали серьезное влияние на процесс выработки американской политики в Центральной Азии. Впервые за последние 20 лет особое и в значительной степени самостоятельное направление в ней стала занимать афганская проблематика, охватывая не только практически-политическую, научно-аналитическую, но и

образовательную, информационно-пропагандистскую и иные социальные подсистемы жизни американского общества.

До последнего времени в США имелся только один центр, специализирующийся исключительно на Афганистане. Находящийся в провинциальном университете г. Омаха в штате Небраска, он был почти лишен государственной поддержки. Несмотря на то, что его директор проф. Т. Гуттьер неоднократно выполнял по поручению администрации США важные миссии (поддержание связей с афганским экс-королем Захир-шахом в Риме), сам центр в последние годы оказался в полузаконсервированном состоянии, хотя ранее, в 1980-е гг., именно в Омахе готовились кадры для будущего «постсоветского» Афганистана, в больших количествах создавалась и издавалась учебная и иная литература, переправляемая затем непосредственно в Афганистан. Центр имел свое представительство в Пешаваре (Пакистан), через который осуществлялся постоянный мониторинг ситуации в Афганистане. В конце 1980-х гг. американцы значительно свернули свою внешнюю активность на афганском направлении, в том числе и в научной области, лишь отдельные аналитики – специалисты в этой области (например, Б. Рубин) сохранили высокий публичный статус. В целом Афганистан занял в американской политике и аналитике особое положение полигона для подготовки и осуществления среднemasштабных геополитических (в частности, связанных с Чечней и Синьцзяном) и крупных геоэкономических проектов. Прежний пристальный научно-аналитический интерес к нему сохранили лишь некоторые профильные центры соседнего Пакистана (прежде всего, Центр исследования Центральной Азии Пешаварского университета), а также умело рассредоточенная в международных гуманитарных и других организациях (ориентированных на Афганистан и действующих непосредственно в нем) команда германских востоковедов и аналитиков смежных профилей. В самих США оперативная и экспертная проработка возникающих вопросов в основном решалась на уровне соответствующих структурных подразделений правительства США, ЦРУ, других специальных служб и стратегических центров типа РЭНД, Атлантического совета. В полузакрытом режиме проблемы Центральной Азии активно изучались в Институте Центральной Азии и Кавказа университета Дж. Гопкинса в Вашингтоне (директор – Ф. Старр), который периодически готовил «смягчающие» сценарии американской политики в Афганистане, призванные сгладить воинственность официальной линии администрации (санкции и др.). Влияние афганских событий на центрально-азиатский регион и прочие, неафганские, аспекты его развития последние несколько лет отслеживались Международной кризисной группой по Центральной Азии, базирующейся в Оше.

За последний период ведущими американскими научными центрами востоковедческого профиля была проведена большая работа по анализу корней происшедшей трагедии и современной ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе в Афганистане. В срочном порядке были созданы специальные программы, рабочие места, в учебные модули вводятся специальные курсы. Так, например, резко активизировалась исследовательская работа по афганской проблематике в Гарвардском университете. Несмотря на наличие специальных профильных учебно-научных структур типа Центра исследования Среднего Востока и Форума исследования Центральной Азии, ранее афганская проблематика в них традиционно игнорировалась. Известному антропологу из Бостонского университета Т. Барфилду поручено разработать спецкурс по Афганистану, который потом будет растиражирован на видеокассетах.

Новые штатные единицы и дополнительное финансирование выделено Школе управления им. Дж. Кеннеди, одному из крупнейших подразделений Гарвардского университета, для разработки специального проекта послевоенного переустройства Афганистана. Не менее интересной инициативой можно считать создание Гарвардской программы по гуманитарной политике и исследованию конфликтов (HPCR) – совместного проекта МИД Швейцарии, ООН и Гарвардского университета. Ее целью является исследование и консалтинг стратегий предотвращения конфликтов, урегулирование гуманитарных кризисов, защита населения конфликтных зон. Сердцевина программы – Инициатива по предотвращению конфликтов. Характерно, что одной из последних акций экспертно-научного характера стало проведение силами HPCR и с привлечением всех заинтересованных специалистов он-лайновой конференции «Защита сообществ для восстановления Афганистана», призванной стать форумом для обмена идеями по социально-гуманитарным проблемам этой страны накануне проведения чрезвычайной ассамблеи представителей всех общественных сил Афганистана – Лоя Джирги.

Вывод: несмотря на временный относительный застой конца 1980-х – 1990-х гг., комплекс экспертно-научного знания в США, сфокусированного на Афганистан, продемонстрировал способность к регенерации и динамичному реагированию на вызовы геополитической ситуации и практической политики США в конфликтной зоне Центральной Азии. Но острота проблем и их актуальность, а также традиционное преобладание политологического подхода обуславливают преимущественно прикладной характер американского интеллектуального ответа на реалии пост-сентябрьского мира – глубокие социально-политические, культурные и

иные изменения, происшедшие в последние десятилетия в Афганистане и вокруг него, еще предстоит осмыслить как собственно американскому, так и мировому общественнознанию.

Вопросы и выступления

Быков А.Ю. – Создавались ли одновременно структуры по исследованию соседних регионов, помимо Афганистана, в США?

Бойко В.С. – Они не только создавались, а как раз заменили их практически. В конце 80-х – в 90-е гг. целая сеть была создана такого рода структур. Но даже наиболее способные и активные эксперты признали, что очень мало было сделано. Подготовлены всего десятки людей. Несмотря на кажущийся постоянный челночный круговорот специалистов, бизнесменов и т.д., всего этого оказалось недостаточно. А Афганистан вообще был упущен. Но такого рода рокировки произошли как раз, то есть центрально-азиатская проблематика очень активно разрабатывалась. В контексте афганских событий она была востребована, но всего этого оказалось недостаточно, потому что слишком тесно оказались взаимосвязаны проблема Афганистана с центрально-азиатской и т.д. То есть, всего этого многолетнего капитала не хватило. Он оказался весьма скромным. Спасибо большое!

Бегмакаев А.М. – Слово для выступления имеет Валерий Анатольевич Бармин, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории БГПУ.

Бармин В.А.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В СИНЬЦЗЯНЕ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

После 11 сентября 2002 г. мир во многом изменился. События, связанные с сентябрьской трагедией в Соединенных Штатах Америки, заставили политиков, специалистов-исследователей, да собственно и всю мировую общественность не только по-новому взглянуть на суть и содержание международного терроризма, но обратиться к его истории, к тому, что мы называем истоками. В попытках анализа естественными стали вопросы: почему центром этого явления стал Центрально-азиатский регион и в каких государствах этого региона оно может получить дальнейшее развитие и продолжение?

Основное внимание сегодня при изучении означенной проблемы по вполне понятным причинам приковывают к себе Афганистан и Пакистан. Вместе с тем, для человека, хоть сколько-нибудь представляющего рели-

гиозные и этнические процессы, происходящие в этом регионе, в поле зрения, несомненно, остается огромная территория Западного Китая и его большая часть – Синьцзян.

Завоевание Синьцзяна было осуществлено Китаем в XVIII в., и оказалось практически последним территориальным приобретением маньчжурской династии Цин. Однако «Новая территория», а именно так переводится китайское слово – Синьцзян, получившая в 1884 г. статус провинции, стала для Китая источником всевозможных проблем на долгие десятилетия. Удаленная от центра страны почти на четыре тысячи километров труднопреодолимого пространства, населенная народами, исповедовавшими ислам, чуждыми ханьской монокультуре и в то же время тяготеющими к этнически родственным единоверцам среднеазиатских областей России, новая провинция, в силу объективных обстоятельств, оказалась в зоне российского экономического влияния. Это влияние росло по мере роста политической доминанты России в Центрально-азиатском регионе и стало особенно проявляться в конце XIX – начале XX вв. Достаточно сказать, что основной валютой, имевшей хождение на территории провинции в этот период, являлся русский рубль.

События, характеризующие отношения Советской России, а затем Советского Союза с Синьцзяном после Октябрьской революции 1917 г., во многом стали логическим продолжением и развитием исторически сложившихся обстоятельств. Советское руководство на протяжении последующей четверти века пыталось, и небезуспешно, не только укрепить свое экономическое положение в провинции, но и усилить здесь политическое влияние. Синьцзян рассматривался как плацдарм для расширения революционной волны. Кроме того, как считали некоторые руководители Коммунистической партии и военачальники Красной Армии, провинция сама могла стать ареной очередной социалистической революции.

Л. Троцкий уже в августе 1919 г. выдвинул идею похода на Афганистан и Индию через территорию Синьцзяна. На заседании политбюро ЦК РКП(б) 4 июня 1921 г. было рассмотрено «Предложение Я.Э. Рудзутака об образовании республик Кашгарской и Джунгарской». Против этих предложений категорически высказались В.И. Ленин, Г.В. Чичерин и другие члены политбюро. Однако, судя по дальнейшим событиям, идея переноса революции на территории Синьцзяна продолжала жить. Правда, теперь основную роль в проведении этой идеи в жизнь взяли на себя работники Коминтерна.

Документы Коминтерна свидетельствуют, что идея «революционизировать» Синьцзян продолжала не только существовать, но и оформлялась в конкретные действия. На территории среднеазиатских республик в 20-х гг., по приблизительным данным, проживало около 500 тыс. уйгуров, причем около половины из этого числа формально являлись китайскими подданными. По сведениям Коминтерна, многие из них в гражданскую войну служили в Красной Армии, вступили в коммунистическую партию. В Алма-Ате при Семиреченском облгоркоме ВКП(б) действовала секция уйгурских коммунистов. В сентябре 1922 г. здесь были проведены 1-й областной съезд уйгурских коммунистов и 2-й областной съезд революционных союзов «Уйгур», которые избрали и отправили общую делегацию на 4-й конгресс Коминтерна. Всего же только в Семиреченской области существовало около 50 различных революционных организаций и комсекций, в которые «входило до 1500 партийных уйгур (таранчей, дунган, кашгар)». Кроме того, в советских учебных заведениях училось несколько десятков человек разных национальностей, которые также прибыли из Синьцзяна. Через этих людей Коминтерном делались попытки установить связи с Синьцзяном, образовать там подпольные революционные организации, а затем создать революционную партию. В Синьцзян переправлялось оружие, предпринимались попытки организовать деятельность боевых групп, задачей которых было уничтожение наиболее одиозных представителей китайской колониальной администрации. Сейчас такие группы назвали бы террористическими. Определенную помощь в этом деле Коминтерну пытались оказывать монгольские коммунисты, которые вели аналогичную работу с монгольским населением Синьцзяна.

Однако революционный романтизм работников Коминтерна сдерживался политическими прагматиками из числа людей, хорошо знавших Синьцзян и представлявших, во что выльются необдуманные действия по разжиганию здесь революционных волнений. Так, в докладе специальной объединенной миссии уполномоченного НКВД и Внешторга РСФСР, которая вела в Синьцзяне переговоры по торгово-экономическим вопросам в 1921 г., особо указывалось: «Восстание в Кашгарии вызвать легко, особенно исламистов. Войска мало. Комплектовано оно шпанкой да кобылкой. Командный состав сплошь дунганский, последние же заклятые враги китайцев. Недовольство в войсках огромно.... Однако насколько легко вызвать взрыв, настолько же трудно будет направить социально-политическую стихию в собственное русло. Население Кашгарии отличается феноменальной темнотой... и ненавистью ко всему, что

связано с «кяфирами». Не нужно быть пророками, дабы предсказать, что национально-революционный удар обрушится не только на китайцев, но и на нас»³¹. В результате Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) приняло по этому поводу решение, суть которого сводилась к запрету деятельности вооруженных групп на территории провинции и предупреждению «против кавалерийской атаки в этом деле».

Более того, 17 февраля 1927 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление по организации революционной работы в Синьцзяне. Содержание этого постановления являлось еще одним подтверждением победы взвешенного подхода руководства Советского Союза при принятии решений в отношении Синьцзяна. Ввиду важности документа, мы приводим его здесь целиком: «а) воздержаться от посылки работников-уйгурцев Восточным отделом ИККИ без согласования персонально кандидатур со Среднеазиатским бюро ВКП(б); б) предложить ОГПУ принять меры к недопуску скупки оружия и переходу вооруженных уйгурцев через нашу границу в Синьцзян; в) предложить Среднеазиатскому бюро и Казкрайкому пересмотреть состав организаторов уйгурских секций, не допуская к работе лиц, причастных к уйгурскому движению в Синьцзяне; г) поручить НКТоргу с привлечением среднеазиатских организаций наметить мероприятия по оживлению и усилению экономической связи Союза с Синьцзяном; д) считать совершенно вредным и недопустимым какую-либо деятельность или агитацию в направлении отторжения от Китая Синьцзяна или части этой провинции»³².

Постановление политбюро по существу знаменовало собой признание того факта, что взаимоотношения с Синьцзяном, построенные на использовании выгод и преимуществ, которые можно было получить при сохранении целостности Китая и существующего в провинции политического и социально-экономического строя, предпочтительнее варианта, связанного с возможным получением тех же выгод, но через революционную войну с непрогнозируемым исходом. Следует подчеркнуть, что в отношениях с Синьцзяном такой курс полностью себя оправдал.

Вместе с тем, в силу целого ряда как объективных, так и субъективных обстоятельств, вопрос терроризма на территории Синьцзяна продолжает существовать на протяжении вот уже более 70-ти лет. К сожалению,

³¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0/100. Оп. 4. П. 102. Д.5. Л. 48.

³² ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. 1926-1927. В 2-х частях. Ч. 2. М., 1996. С.619.

до конца 40-х гг. XX в. в целом ряде сюжетов истории Синьцзяна к этому явлению имел непосредственное отношение Советский Союз.

Вопросы и выступления

Бойко В.С. – Здесь есть очень тонкий, щепетильный сюжет о национально-освободительном движении, о его природе и т.д. И потом, индивидуальный терроризм можно и в себе обнаружить, и человек может вполне террористически в отношении себя действовать. То есть, мне показалось, что Ваш исторический сюжет несколько неожиданно наполнился фактами развития, генезиса терроризма в тесной связи с советскими реалиями. И уж совсем зря, на мой взгляд, Вы Бюро упомянули. Если говорить об отрядах, все они прошли подготовку. Такого рода поведение, стиль, формы все-таки диктовались, наверное, другими факторами.

Бармин В.А. – Речь шла об одобрении самой формы борьбы, которая представляла, среди прочего, и борьбу в виде таких организаций. Это мы сегодня называем их террористическими, а раньше их называли боевыми, состоящими их 3-4 человек, революционными, как угодно. Форма борьбы, которую они использовали, на сегодняшнем нашем языке называют террором.

А что касается того, насколько этим занималось Политбюро ЦК ВКП(б), я могу Вам сказать: не смешным ли кажется Вам, что сегодня, через 80 лет после всех этих событий, все документы до сих пор носят гриф «Секретно». Ну, простите, тогда и через 200 лет это можно скрывать. И не просто «Секретно»! Ведь как только написано «Синьцзян» и затрагиваются события, связанные с вооруженной борьбой, ни к одному документу не подступишься. Поверьте мне, я этим занимался и занимаюсь не один год! Более того, знаете, что особенно засекречено наряду с документами Политбюро?! Документы НКВД и несколько позже МГБ, которые курировали эту работу.

Щеглов С.Г. – Уважаемые коллеги! Наша секция озаглавлена как внешнеполитическая доктрина и участие России в антитеррористической коалиции. Сам факт терроризма, я думаю, можно назвать уродливым и негативно оценивать его. Но терроризм всегда был и есть. Само по себе это явление очень многогранное и имеет широкий спектр: терроризм бывает индивидуальным, массовым, политическим, религиозным, семейным. Почему, на мой взгляд, к событиям 11 сентября оказались все готовы? Вся история развития событий в мире тому основа. Давайте вспомним, с чего начинается в XIX и начале XX вв. индивидуальный терроризм? Россия до 11 сентября являлась и родоначальником, и одновремен-

но законодателем моды терроризма, если можно так выразиться. Я подчеркиваю, до 11 сентября. Почему я так считаю? Вспомните народников и эсеров. Потом появилась на карте Советская Россия, которая, опять же в качестве законодателя моды, использовала терроризм как метод, как форму борьбы. И государство, и партии, и отдельные организации активно использовали это, поскольку это эффективное средство.

В Советском Союзе и США еще в годы «холодной войны» терроризм был активно взят на вооружение. Был и политический терроризм: сначала мы сводили счеты с белыми генералами и офицерами, которые мешали строить социализм, потом мы, в рамках идеи Мировой революции, привносили это в Китай, Испанию. В послевоенный период – арабский мир, разве мы не поддерживали Каддафи, подобно тому, как сегодня поддерживаем палестинских лидеров?!

В конечном итоге, терроризм – это огромные финансовые затраты. Когда рухнул Советский Союз, у России в этом смысле позиции оказались крайне ослабленными. Сегодня просто нет денег, чтобы поддерживать международный терроризм, который мы значительное время поддерживали. Мы были как бы антиподом Штатов. Но настал какой-то момент осмысления, и это произошло 11 сентября. США воспользовались этим, и пошли дальше, хотя уже использовали эти приемы в Югославии. Это тоже был терроризм, только тогда они формировали общественное мнение.

Россия уже погрязла в борьбе с терроризмом. Ведь и в Средней Азии тоже не спокойно, а главный больной момент – это Чечня, и мы это почувствовали на собственных головах (когда стали взрывать дома и гибнуть люди). То есть, 11 сентября никто не ждал и не хотел, иначе это можно было бы предотвратить, но все оказались готовы к этому дню.

Ряды террористов сегодня не пустеют, терроризм окончательно вошел в жизнь. Но силовых методов недостаточно. С каждым годом это явление набирает темп, выходя из подчинения государства. И сегодня, пока мир не подойдет к теоретическому осмыслению этого явления, этот клубок будет разрастаться. Мы не можем из прошлого «тащить» восприятие этого явления терроризма, но и новых подходов к его оценке сегодня так и не найдено. Спасибо!

Овчаров Г.А Конечно, события 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними международная контртеррористическая операция поставили проблему терроризма в центр внимания политиков и мировой общественности³³.

³³ Содержание выступления Г.А. Овчарова см. в разделе «Тезисы». – *Прим. отв. редактора.*

Бетмакаев А.М. – Продолжит тему доклад Ольги Алексеевны Аршинцевой, кандидата исторических наук, доцента, зам. декана ИФ АГУ.

Аршинцева О.А.
ВУЗОВСКАЯ НАУКА И РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Позвольте несколько кратких реплик к очень короткому выступлению. Во-первых, как часто бывает, формулировка темы чуть шире, чем содержание тезисов, которые я хотела бы вашему вниманию предложить. Когда я заявляла тему, я, признаюсь, испытывала определенный комплекс, поскольку не считаю себя специалистом-исследователем по проблеме терроризма. И в чуть меньшей степени не считаю себя специалистом-исследователем по проблемам современной внешней политики России. Однако вторая тема мне ближе. И я от этих комплексов избавилась уже на наших дискуссиях, развернувшихся на пленарном заседании, коль скоро там возникли сюжеты и современных проблем, и проблем идентичности, и влияния общественного мнения, и соответствующих механизмов формирования внешней политики в нашей стране. Второй шаг к избавлению от определенных комплексов – это развернувшаяся дискуссия по проблемам терроризма, в ходе которой мы перешли от частных вопросов к более общим, связанным с модным сегодня понятием идентичности российской внешней политики. И вторая реплика – это определение собственной позиции не столько как исследователя, как преподавателя, понимание места осмысления предложенной темы нашего сегодняшнего заседания. Итак, я обозначаю некоторые позиции в этой связи.

Современные публикации по проблемам внешней политики России, при значительном разнообразии позиций авторов, сходятся в одном заключении: в прошедшее десятилетие наша страна столкнулась с беспрецедентным вызовом, аналоги которому трудно найти в отечественной истории XIX–XX столетий. Проблема не ограничивается простым преодолением имперских и советских стереотипов, она носит комплексный характер, поскольку ситуация вызова пронизывает все составляющие внешней политики России: разработку адекватной и реалистичной концепции, создание механизмов взаимодействия общества и государства с соответствующим разграничением интересов, осуществление конкретных направлений внешней политики. По всем указанным направлениям разворачиваются довольно острые дискуссии, но большая их часть ограничена современными политическими элита-

ми и федеральным центром. Очевидно, что сложившаяся ситуация отражает противоречивое состояние российского общества. В этом свете роль даже центральной, а уж тем более провинциальной академической науки выглядит весьма скромной. Реально, а потому пессимистично оценивая перспективы ее возрастания, следует все же подчеркнуть актуальность этой задачи. На наш взгляд, она имеет как минимум два аспекта, связанных между собой в том числе и практическими проблемами преподавания соответствующих вузовских дисциплин.

Первый – это проблема экспертной оценки внешнеполитических концепций и действий России на международной арене. Ее необходимость продиктована самой международной ситуацией – сложной, быстро меняющейся и нестандартной. Любая конкретная проблема, будь то новый внешнеполитический вызов в виде терроризма или перспективы внешне-торговой интеграции России, не может решаться изолированно, вне долгосрочных перспектив и многофакторного влияния на внешнеполитическую ситуацию для страны в целом. Известно, что аналитика как составная часть разработки и принятия внешнеполитических решений впервые начала применяться в западной политической практике после первой мировой войны, в настоящее время она стала неотъемлемой частью либерально-демократической политической культуры. Не преувеличивая значения этого опыта, следует подчеркнуть, что в нашем обществе эта задача в лучшем случае декларируется. Тем важнее встречное движение академической науки и вузовского преподавания. Конечно, формирование аналитических подходов не является единственной целью изучения курсов по международным отношениям и современной внешней политике России, но студенческая аудитория является самой благоприятной средой для выполнения этой цели, причем, в двойном отношении – в качестве аналитиков-профессионалов в сфере международных отношений и как часть образованной элиты формирующегося гражданского общества.

С проблемой становления гражданского общества с соответствующими механизмами влияния на внешнюю политику страны связан второй аспект поставленной выше задачи. Речь идет о критическом осмыслении внешнеполитических процессов и программ, что особенно важно для преодоления сложившихся стереотипов не только в политическом сознании, но и общественном мнении. Либеральная критика современной российской внешней политики выделяет, по крайней мере, несколько устойчивых (не преодоленных в 90-е гг.) стереотипов, мешающих реалистичному восприятию международных условий. Отметим те из них, которые, на наш взгляд,

выдержаны в духе традиционных геополитических подходов и соответствующих, чаще недемократических, механизмов формирования внешней политики. Это постимперский и постсоветский комплекс великодержавности России, восприятие государственных и национальных интересов как полностью идентичных, идея построения многополярной международной системы. Эти позиции нашли прямое или косвенное выражение в программных документах, включая официальную Концепцию внешней политики Российской Федерации 2000 г. Их уязвимость заключается в том, что геополитическая картина современного мира не охватывает все тенденции эволюции международной системы и, следовательно, представляет ее перспективы в искаженном виде. И, что не менее важно, геополитическое видение противоречит цели создания цивилизованных механизмов влияния на политическое руководство в процессе обсуждения и выработки внешнеполитических решений. Одно из условий подобного влияния – плюрализм позиций, основанных на объективном и деполитизированном анализе внешнеполитических процессов, в котором академическая наука может решать не только теоретические, но и практические задачи.

Вопросы и выступления

Бойко В.С. – Сравните комплекс гуманитарного знания наших студентов и американских. Кто, по Вашему мнению, является гуманитарием будущего?

Аршинцева О.А. – Во-первых, моя информация об этом уже устарела, потому что это конец 90-х гг. Но мне кажется, они (американцы) даже в идеологическом смысле более прагматичны, если говорить о состоянии политического сознания в области международных отношений, они жесткие структуралисты. Но при этом надо иметь в виду, что конец 90-х гг. – это был период до печально известных бомбардировок Югославии, и это была определенная эйфория в общественном сознании, в том числе и в студенческой аудитории, от достижений администрации Клинтона во внешней политике. А с приходом республиканцев и Буша, еще до событий 11 сентября, настойчиво шли разговоры о том, что республиканцы еще больше вернутся в прагматическую область. Перспективы российско-американских отношений в связи со сменой администрации в Белом Доме оценивались несколько по-иному, чем события сейчас развиваются. Американцы больше прагматики даже на уровне академических позиций.

Боронин О.Н. – Вопрос такой: как понять «типологизированный анализ внешней политики»?

Аршинцева О.А. – Я имею в виду экспертную оценку, чтобы освободиться, по крайней мере, от достаточно банальных клише, которые подоплекой своей имеют концепцию американского империализма, то есть, она никуда не ушла, а напротив, последние месяцы это выражение антиамериканизма части российского общественного мнения. Но если политическим партиям и общественным движениям это простительно, поскольку они исповедуют иные цели, то экспертам, даже преподавателям, чрезмерно политизированных оценок нужно избегать. Потому что так легко скатиться в грех гораздо более значительный, чем это было присуще официальной советской пропаганде, потому что, к сожалению, факты, работающие на эту версию, есть, и их можно подобрать. Не хочется обличать американский империализм. Понятно, что это другая сторона нашего комплекса великодержавности. Это мое субъективное мнение, но кто сказал, что Россия должна быть великой державой?! Что за это говорит? Целеполагание во внешней политике не должно руководствоваться такими мотивами. Не должно быть предвзятого отношения. Как бы мы ни хотели, но умом-то мы понимаем, что это уже невозможно, ситуация меняется. И если мы будем находиться в плену, в том числе, таких политических оценок, то тогда вообще в этом мире ничего не поймем, в том числе и перспективы развития внешней политики.

Ващенко В.А. – Американский империализм я еще мог вынести, но насчет того, что Россия не великая держава, я уже готов поспорить. Во-первых, что вкладывается в понятие империализма? Это научный термин, есть империя, есть империализм. Американцы и гегемонизм, и империализм применяют как термины. Эти термины обосновывают имперскую политику, поэтому их вполне можно использовать в научной полемике.

Аршинцева О.А. – Я не возражаю против исторического применения. В отношении к американскому империализму я являюсь последователем Артура Флеминга, который является либеральным критиком этой концепции. Не более того.

Ващенко А.В. – Да, в Америке много концепций. А что касается того, что Россия – великая держава, это так хотя бы потому, что такие территория, ресурсы, население, не говоря уже о сфере международных отношений – это мощь, это сила, возможность влиять на международные события. Да, не во всех сферах, да, Америка влияет во всех сферах – экономической, политической, информационной. Но ядерный статус у России есть, в Совет Безопасности Россия входит, а значит, может влиять на какие-то события, то есть, в политической и военной сфере пока что Россия великая держава. В экономической – нет, в информационной – нет, а в политической – да!

Аршинцева О.А. – В первичном смысле этого слова термин «великая держава» неделим. И если продолжать Вашу реплику и убрать «хотя бы, хотя бы и хотя бы», все это объединить, тогда это будет соответствовать классическому определению великодержавности. Но мне кажется, я прошу прощения, Вы опровергаете сами себя, потому что характеристики современного международного статуса США абсолютно не совпадают с классическим определением великодержавности. США в этом смысле лидер глобального процесса.

Ващенко А.В. – Однако лидер глобального процесса не может без России решить проблему того же Афганистана, проблему на Ближнем Востоке. Да, мало там нашего участия, но и глобальное лидерство там тоже ограничено. Хотелось бы высказать реплику о динамической стабильности. Сейчас намечается такой процесс, который А.Д. Богатуров в своей книжке назвал «падение среды», что означает, что фоновые, нелидерские государства по отношению к глобальному лидеру могут проводить консолидированную политику. В том случае, если их интересы совпадают, они поддерживают лидерское государство, и, в частности, США используют как инструмент для достижения своих интересов. Если же интересы не совпадают, то фоновые страны блокируют лидерские решения. И надо сказать, что у американцев не всегда получается проводить то, чего они хотят, в полной мере. Они вынуждены идти на компромиссы, хотя и считаются главным лидером. То есть, это все очень условно. Глобальное лидерство сейчас ограничивается во многих регионах, даже в Европе, где американцы всегда имели почти 100% поддержку. В Латинской Америке похожая ситуация. Сейчас существует новая тенденция, когда региональные интегрированные группировки блокируются между собой, в том числе и ЕС, с тем, чтобы противостоять США. И надо сказать, они очень успешно достигают своих целей в экономической и политической сферах. Именно поэтому американцы хотят выстраивать свою дипломатию в отношении терроризма, ВТО и др. на двусторонней основе – так легче давить.

Аршинцева О.А. – Я могу Вас уверить, что знакома с различными современными концепциями глобального лидерства, отклика и системой классификации этого отклика. Но я хотела разделить собственный выбор в отношении данной проблемы и попытку дискуссии, чтобы ситуация была лишена однозначности.

Кругова Н.И. – Мне кажется, что Ольга Алексеевна затронула очень важный аспект, который раньше нами не рассматривался – проблемы внешней политики и общественного сознания. А в позиции Александра

Владимировича я вижу противоречие. Он готов быть объективным во всем, кроме того вопроса, когда речь идет о восприятии России в общественном сознании. Что такое великая держава?! Япония – великая держава? Ведь уже давно признано исследователями, что природные ресурсы еще ни одному государству не дали ничего положительного.

Посмотрите на страны, которые добились решительных экономических результатов: Англия, Япония, Германия – они все бедны природными ресурсами. У США в этом смысле особое политическое устройство. Но почему мы считаем, что наличие лесов, железной руды или еще чего-то должно сохранять в сознании народа то, что он будет великой державой?! Весь мир добивается лидерства за счет других критериев. То есть, здесь важна адекватность восприятия, и особенно преподнесение на уровне студенческой скамьи, что является мощным рычагом общественного мнения, в том числе представления о месте России в мире. Необходима адекватность выработки внешнеполитической доктрины, которая должна одобряться и уважаться народом, великолепный пример тому – Китай.

Ващенко А.В. – Вы полагаете, что Россия в кризисе и поэтому все плохо. Надо исторически подходить к этому моменту. Такие кризисы уже были. Вспомните Крымскую войну, когда запретили даже держать Черноморский флот, и Запад говорил тогда, что Россия дуется, но Горчаков сказал, что Россия собирается с силами!

Бетмакаев А.М. – И чем закончилось это собрание с силами? 1917 годом..

Аршинцева О.А. – А закончилось все тем, что Россию и Германию развели по разным блокам!

Бетмакаев А.М. – Чтобы несколько остудить пыл спорщиков, предлагаю послушать выступление Марины Маратовны Волобуевой, кандидата философских наук, доцента, зав. кафедрой теологии АГУ.

Волобуева М.М.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ И МИРОВАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

XX в. стал поворотным пунктом в истории человечества, так как именно в этот период сформировались международные принципы прав и свобод для мирового сообщества. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах, Заключительный акт Совещания по СБСЕ, Итоговый документ Венской встречи, Парижская хартия для новой Евро-

пы и другие международные документы гарантировали права человека и основные свободы для всех людей без различия языка, расы, пола и религии. Тем не менее, именно в XX в. одной из самых актуальных проблем, общезначимых для всего человечества, стал международный терроризм. Термины «экстремизм» и «терроризм» всегда были более употребимы для характеристики таких действий, которые имели деструктивную антиобщественную, антигосударственную и вообще античеловеческую направленность. Этимология термина «экстремизм» восходит к латинскому слову «extremus», или «крайний», и подразумевает под собой некую «приверженность к крайним взглядам и мерам»³⁴. Этимология слова «терроризм» также имеет латинский корень «terror» («ужас») и имеет смысл «устрашения, подавления... противников насильственными мерами»³⁵. Во второй половине XX в. мощной ветвью террористических движений становится конфессиональный терроризм и экстремизм.

В мировой практике еще с 50-х гг. XX в. стали известны прецеденты массовых самоубийств в конфессиональных средах, случаи ритуальных жертвоприношений, истязаний и насилия над личностью, факты террористических операций, свидетельствовавшие о массовых человеческих жертвах, ответственность за которые брала на себя та или иная религиозная группировка. Поэтому понятие «религиозного экстремизма» как специалисты, так и пресса все более стали связывать с политикой, уголовными преступлениями и криминалом. «Пионерами» организованного религиозного экстремизма и терроризма международного характера в XX в. стали сикхские экстремистские группировки, ведущие борьбу за восстановление этноконфессионального государства Халистан, североирландские террористические объединения и «Братья-мусульмане».

Во второй половине XX в. список террористических группировок именно конфессионального происхождения стал увеличиваться в геометрической прогрессии. Наряду с западноевропейскими деструктивными сектами типа «Храма Солнца», чьи адепты погибли насильственной смертью, японской «Аум сенрике», особое распространение получил исламский экстремизм. В 70-х гг. в афро-азиатском регионе сформировалось высокое число мусульманских экстремистски настроенных группировок. В Сирии функционировали «Братья-мусульмане», «Боевой авангард», «Движение исламского освобождения», «Фаланги Мухаммеда», «Войны Аллаха». В Марокко сформировались «Авангард ислама», «Ассоциация исламского возрождения», в Тунисе – «Исламская ориентация», исламс-

³⁴ Словарь иностранных слов. М., 1986. С. 577.

³⁵ Там же. С. 494.

кая партия «Шура», в Египте – «Исламская партия освобождения», «Исламские группы», «Молодежь Мухаммеда», организации «Священная война» и «Новая священная война», в Судане – «Исламская республиканская партия», в Саудовской Аравии – «Хусейновы комитеты мучеников», в Афганистане – движение Талибан и т.д. От действий целого ряда конфессиональных террористических группировок со второй половины XX в. в общей сложности погибли десятки тысяч людей.

В результате возникла необходимость не только организованного противодействия развитию конфессионального терроризма, но и осмысления его понятия, происхождения и профилактики на международном и общегосударственном уровне. Религиозный терроризм и экстремизм представляет собой особую форму внекультовой деятельности конфессиональных группировок, находящихся на непримиримых позициях к внешнему сообществу и выраженную в ряде крайних взглядов и мер, сопровождающихся актами устрашения и насилия. Спектр причин происхождения и формирования религиозного экстремизма более чем обширен. Это и борьба за политическую власть, за социальную справедливость, и попытка противостояния процессам модернизации и урбанизации общества, и личные амбиции религиозных лидеров, и исторические этноконфессиональные конфликты и т.п. Многофакторность генезиса современного религиозного экстремизма делает его одним из самых социально опасных явлений современности.

Мировое сообщество было вынуждено начать защищаться от религиозного экстремизма и терроризма всеми возможными легитимными мерами. Европейская конвенция по правам человека и основным свободам 1950 г. содержала пункт статьи 9, где свобода выражения религий и убеждений могла быть ограничена в соответствии с предписаниями законов «... в интересах соблюдения общественной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности, или в интересах защиты прав и свобод других людей»³⁶. В ФРГ конституционные гарантии на основе статьи 138 (ч. 1) в получении статуса органа публичного права не были предоставлены мусульманским религиозным объединениям. Статья 5 французской конституции Пятой республики законодательно запрещала только те действия, которые наносят вред обществу. После массовых самоубийств членов религиозной организации «Орден храма Солнца» 1994–1995 гг. во Франции был создан межведомственный наблюдательный Совет, состоящий из членов Сената и Национальной Ассамблеи, для борь-

³⁶ Права человека: Основные международные документы. М., 1989. С. 156.

бы с опасными религиозными группами. В законодательство о религиозной свободе в Испании было введено 3 ограничения деятельности религиозных объединений в случае нарушения основных прав и свобод остальных людей, посягательства на общественное здоровье, безопасность и мораль, деятельности, связанной с психическими феноменами. Акции подрыва власти правительств «вероотступников» со стороны религиозных экстремистов вызвали реакцию мусульманского мира. В Египте был принят закон, запрещающий политические партии религиозно-экстремистского толка. В Сирии правительство предусмотрело смертную казнь за членство в группе «Братьев-мусульман» и т.д. Мусульманские политические и духовные деятели, выступая с резкой критикой экстремистов, заявили, что террор и убийства противоречат исламской морали. Свободное толкование Корана, человеческое суждение не может быть каноном для верующих. Правительство КНР после «политических демонстраций ламаистского монашества в Лхасе и введения там военного положения 1989 г., уйгурских выступлений в Кульдже 1997 г. объявило борьбу с религиозным экстремизмом одной из актуальнейших задач будущего»³⁷.

После событий сентября 2001 г. в США внимание мирового сообщества было вновь акцентировано на проблемах международного терроризма и религиозного экстремизма. Возник вопрос о формировании новых принципов не только внешней, международной, но и конфессиональной политики государств стран-участниц антитеррористической коалиции. В России, где на современном этапе функционируют более 20 тыс. религиозных объединений почти 75–80 вероучительных направлений, проблема этно-конфессиональной безопасности государства становится как никогда актуальной. В Российской Федерации Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г. в статье 14 (ч. 2) предусматривает запрет деятельности религиозного объединения в случаях нарушения общественной безопасности, подрыва безопасности государства, создания вооруженных формирований, пропаганды войны, разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни и т.д.³⁸

¹ Государство и религия в КНР // Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 1998. С. 254.

² Свобода совести и государственно-церковные отношения в Российской Федерации. Документы и материалы. / Под общ. ред. А. Е. Себенцова. М., 1998. С. 14.

Вопросы и выступления

Быков А.Ю. – У меня дополняющая или уточняющая реплика. Дополняющая в том смысле, что во всех постсоветских государствах Центральной Азии в конституции закреплены положения, запрещающие создавать партии исламского толка и террористические организации, за исключением Туркменистана. Но вместе с тем, определенная международно-правовая база есть. В частности, это Декларация о коллективной безопасности. Кстати, из Договора о коллективной безопасности успешно вышел Узбекистан, а Туркменистан туда вообще никогда и не входил. Спасибо.

Аршинцева О.А. – У меня реплика по поводу международно-правового регулирования, со ссылкой не на собственные заключения. Еще до событий 11 сентября, в прошлом году, весной, моя дипломница по собственной инициативе работала над проблемой международного терроризма. Не все тогда в Государственной аттестационной комиссии поняли эту проблему. Но она пыталась выявить, насколько возможно, по доступным источникам существующие определения международного терроризма в международно-правовой практике и в других документах, а также что такое, в частности, исламский терроризм. Она исписала полглавы, приводя все эти определения. Не существует никакой унификации, никакого единства. То есть, в этом отношении проблема находится в зачаточном состоянии. Но практика, скажем, американская, коль скоро мы об этом говорили, опережает. Спасибо.

Курныкин О.Ю. – Марина Маратовна, можно, очевидно, согласиться, что в любой религии есть экстремистские тенденции проявления терроризма. Я не знаю, в буддизме есть или нет, но это особый разговор. Но сейчас совершенно очевидно, что в авангарде террористического движения находятся приверженцы ислама. В связи с этим вопрос, есть ли какие-то конфессиональные особенности исламских террористов, проистекающие именно из особенностей ислама как религии? И считаете ли Вы палестинских шахидов религиозными или политическим террористами?

Волобуева М.М. – В данном случае, если говорить об особенностях исламского терроризма, то это определил идеолог братьев-мусульман Абу Омар Мохаммед Ас-Сейф, которого благополучно расстреляли в 1966 г. за все его теоретические достижения в этом плане. В своих работах он дал определение, чем исламские акции должны отличаться. Во-первых, мир должен быть приведен к единой вере. Все те режимы, которые не согласны с вероисповеданием ислама, должны быть физически уничтожены.

Если говорить о каком-то другом терроризме, то он отличается, во-первых, по вероисповедной практике. Во-вторых, что касается мусульманского терроризма, то тот же самый Ас-Сейф говорил, что передовые мусульмане должны объединяться, и будут люди, которые не поймут подобных исламских устремлений, что все в мире должно быть мусульманским: исламская мораль, исламское государство. И главное, что исламский терроризм направлен против Америки. То есть, это был их фетиш, ужас, враг, против которого сначала надо было бороться.

Другие религиозные группировки борются на своих территориях против других конфессий, конкретных политических режимов. Эти мусульмане сразу начали бороться против империализма и почему-то именно в американском лице. Потом, правда, до них доходило, что надо бороться и с европейскими странами, но это было уже позже, в 80–90-х гг. Я считаю, это основные признаки: во-первых, приведение к единой мусульманской идеологии, во-вторых, борьба против США.

А что касается палестинских шахидов, то я считаю, что это политический экстремизм, потому что религиозный экстремизм – это стремление добиться каких-то вероисповедных или культовых моментов. А политический экстремизм – это крайние меры для того, чтобы добиться либо власти, либо политического статуса, признания и т.д. И поэтому, когда по телевидению идет, скажем так, инструкция о том, как детям шить пояса, набивать их гранатами, обвязывать себя и получается, что любой 7-летний ребенок вполне может пойти и взорвать себя в автобусе, в данном случае он погибает с криком «Во имя Аллаха!», но он не добивается вероисповедной свободы, каких-то культовых прав или прав конкретной религиозной организации. В данном случае он добивается политического статуса палестинского государства и права на самоопределение своего народа. Поэтому я считаю это политическим экстремизмом.

Боронин О.Н. – Марина Маратовна начала свой доклад с того, что большинство тех организаций, которые мы сегодня называем террористическими, имеют религиозное наполнение. Но я бы не согласился. То есть, случилось 11 сентября, обвинили в этом исламских террористов, и начал складываться стереотип, что все террористы имеют исламские истоки. На самом деле, мне сразу пришло в голову, что еще десятки организаций можно подвести под то же определение террористических (Сендеро Луминосо, красные кхмеры и т.д.). Трудно, наверное, подсчитать, каких больше. То есть, когда мы говорим о борьбе с терроризмом и экстре-

мизмом, не нужно акцентировать внимание только на проблеме религиозного терроризма. Любой терроризм, который расшатывает международную стабильность, имеет, видимо, порочную подоплеку.

Волобуева М.М. – Но и нянчиться с конфессиями в данном случае тоже не надо!

Боронин О.Н. – Дело в том, что с конфессиями нянчиться еще как-то, может быть, и можно, а вот с сендеристами – бесполезно!

Притчина Е.В. – Понятно, что терроризм может иметь конфессиональную, идеологическую составляющую. У меня вот какой вопрос: на территории России кроме мусульманских организаций есть еще какие-то конфессиональные организации, которые практикуют терроризм как метод борьбы?

Волобуева М.М. – Да, имеются факты межконфессионального терроризма. Вспомните, пожалуйста, «Белое братство» – это самый натуральный терроризм. 70 тыс. человек входило в организацию в различных регионах, и тогда Мария Дэви Христос объявила, что 25 октября нужно всем дружно перерезать вены, поскольку скоро наступит Конец Света. И она только одна последние три дня будет бродить по трупам на Земле. То есть, она три дня еще будет жива и будет проверять, кто перерезал вены, а кто нет. Чудом удалось всего этого избежать.

Дальше – группа «Семья» Дэвида Берга, практиковавшая сожительство родителей с детьми полуторагодовалого возраста, и если кто-то отказывался и выходил из состава этой организации, к ним применялись террористические действия.

Я считаю, что если есть общественный резонанс в отношении социума, то это терроризм, а внутри конфессии – это экстремизм. Есть факты террористической деятельности, к сожалению, многие из них не публикуются. Сначала не хотели будоражить общественное мнение. В результате человек оказывается в конкретной религиозной организации и не представляет, куда он попал. Поэтому, кроме мусульман, есть новые нетрадиционные религиозные организации.

Притчина Е.В. – А можно какие-нибудь различия между ними выделить?

Волобуева М.М. – В общем, нетрадиционные организации существуют не более 30 лет. Поэтому здесь есть попытка доказать что-то миру вдруг. Так, например, «Белое братство» пошло на крайние меры только потому, что они переехали из Киева в Москву, обосновались там и поняли, что им «сел на хвост» Комитет Госбезопасности, и что вот-вот аресту-

ют лидера. А так они вряд ли это планировали. Поэтому, видимо, это последняя попытка спасти себя в террористических действиях. А религиозные организации более традиционного характера, которые уже точно не рассчитывают на какое-то признание, те же самые мусульманские, постоянно это все практикуют.

Что касается «Аум Синрике», то эта организация по сей день не запрещена на территории РФ, поскольку на сегодняшний день не было precedентов. А то, что арестовали 2-х человек – членов «Аум Синрике», которые в прошлом году собрались ехать в Токио отравлять там водопровод и на этой основе требовать освобождения Секо Асахары, – это ничего. То есть, индивидуальный терроризм был воспитан здесь, на территории России. Правда, организация тут же открестилась, сказала, что они вышли уже из их состава.

Суханов А.А. – В основе любой религии лежит какая-то информация. И Вы сказали о 20 тыс. различных организаций, которые воспитывают исламистов. Что такое ислам? Это покорность Богу еще при жизни и высшая цель – служение Богу. Возьмем то же самое христианство. Какая высшая цель?

Волобуева М.М. – Спасение.

Суханов А.А. – Разницы между ними никакой нет. Возникает единственный вопрос: есть ислам исторический и есть коранический, есть раннее христианство и есть позднее. Поэтому нам как ученым нужно внимательно изучать все ранние тексты и более поздние – искаженные. Потому что они и формируют, в принципе, своего рода терроризм и экстремизм. Надо просто разобраться и объяснить это нормально людям.

Волобуева М.М. – Что касается Корана, там тоже содержится примерно такой текст: убивайте тех, кто когда-то плохо поступал с вами, и преследуйте тех, кто когда-то преследовал вас. В данном случае, если изучать тексты первоисточников, там очень много противоречий и в Коране, и в Библии. Поэтому вопрос в том, что брать из текста этих первоисточников.

Бетмакаев А.М. – А что думают в США о России? Об этом сообщение нашей гостьи Александры Алексеевны Цветковой, магистра политологии и политической экономики посткоммунистического транзита, Центральноевропейский университет (Будапешт).

Цветкова А.А.
ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К РОССИИ
В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

События 11 сентября потрясли мир, заставили на многое посмотреть по-другому, но наибольшим ударом они стали для Америки и ее граждан. Любой шок заставляет переоценить прошлое, чтобы справиться с настоящим и с уверенностью смотреть в будущее. Не является исключением и этот случай. Я попытаюсь проследить, как изменилось отношение к России в американской прессе. Думается, такой подход является оптимальным для отражения «агрегированной» действительности, потому что газеты являются, в своем роде, «средним ярусом» между официальной позицией властей и массовыми настроениями, преобладающими в обществе, синтезируя первое и второе в нечто усредненное.

Для анализа были взяты две газеты «Washington Times» и «New York Times» за период с 1 марта 2001 по 31 марта 2002 гг., т.е. 6 месяцев до сентября, 6 месяцев после, плюс сентябрь, разбитый терактами почти пополам. Во внимание принимались следующие характеристики: (1) количество статей, посвященных России; (2) их эмоциональная окраска; (3) разбивка статей по темам.

Количество статей. Анализ показал, что события 11 сентября никакого влияния на количество статей не оказали. Влияли на частоту появления на страницах газет упоминаний о России, скорее, текущие события в стране и то, насколько значимы они были в мировых масштабах. Если в «Washington Times» этот показатель постоянно колебался, достигнув пика в июле 2001 г. (193), а после ноября (175) стал неизменно снижаться, достигнув к марту 2002 г. отметки 51 (в сентябре 2001 г. – 153), то в «New York Times» частота упоминаний оставалась достаточно стабильной, правда, на значительно более низком уровне (30±5). Вероятно, последнее можно объяснить тем, что основная масса статей о РФ приходится на справочную рубрику «Мировой Деловой Брифинг: Европа», регулярно дающую краткие (70–120 слов) описания состояния экономики разных стран.

«Washington Times». Газета уделяла заметное внимание нашей стране, в общем, придерживаясь нейтрального тона (помесячное колебание 65–83% от всех статей в зависимости от того, какие события происходили). В то же время количество «негатива» существенно превосходило «позитив» (например, в марте 2001 г. 48:10). Необходимо отметить ироничное и временами пренебрежительное отношение к России, которое отли-

чает это издание. В категорию «позитивной эмоциональной окраски» в большинстве своем попадали статьи об искусстве, спорте (если основными соперниками не являлись американцы или канадцы, как в случае с олимпийским золотом в парном фигурном катании) и исторические зарисовки (довольно редкие). На «негатив» приходились сообщения о продаже Россией вооружений и технологии Ирану, в т.ч. для изготовления оружия массового уничтожения, ситуация вокруг НТВ и разыгравшийся в начале 2001 г. шпионский скандал с Робертом Ханссоном. Все остальное, как правило, выраженной эмоциональной окраски не носило.

В связи с событиями 11 сентября интересна следующая тенденция. Если до этой роковой даты позиция газеты была «усредненной», без откровенных восхвалений, но и без нападок³⁹, то после произошло «разветвление». С одной стороны, Россия и российский президент стали упоминаться как союзники, установившие новый уровень отношений⁴⁰, с другой, четко раздаются голоса, предостерегающие от слишком близкого союзничества. В ряде статей сильнее проявилось отрицательное отношение и недоверие к нашей стране. Во-первых, не утверждая прямо, газета настойчиво создает впечатление, что источник оружия Усамы бен Ладена – Россия. Предлагаются два сценария: террорист № 1 покупает его у российских преступных группировок или у стран-изгоев, которые, в свою очередь, приобрели его у России⁴¹. Во-вторых, газета советует не доверять Путину, который преследует свои цели, маскируя их борьбой с терроризмом. Трижды на страницах издания перефразируется известное: «бойтесь данайцев, дары приносящих» («Бойтесь Путина, дары приносящего» от 10 октября; «Бойтесь русских, дары ожидающих» от 7 ноября и «Бойтесь новых союзников» от 2 января).

³⁹ Единственным исключением здесь является «Союз изгоев», статья от 25 марта 2001 г., содержащая резкую критику действий Путина: «Проглотите вашу гордость, мистер Путин. Как часть его непутевой (misguided) кампании по восстановлению национальной гордости и международного уважения, российский президент Владимир Путин встретился на прошлой неделе с иранским президентом Мохамедом Хотами для оформления соглашения по продаже вооружений. Несмотря на то, что сделка оживит российскую оборонную промышленность, она наверняка обернется так же плохо, как и другие попытки мистера Путина поднять честь России, например, его нападения на свободу прессы...».

⁴⁰ «НАТО рассматривает Путина как партнера» от 3 декабря 2001 г.; «США под-держат вступление России в ВТО» от 29 сентября 2001 г.

⁴¹ «Ночной кошмар черной зимы» от 1 октября 2001 г.; «Опасаются незаконной продажи русской оспы» от 6 ноября 2001 г.

В то же время чаще, чем прежде, отмечаются успехи России⁴². Как бы оправдываясь за резкие статьи, газета печатает абсолютно новые (появились после 11 сентября) в некоторой степени сентиментальные зарисовки русской жизни и обычаев. Отдельные материалы посвящены кашам и супам (щам) или, например, «маленькой революции» в маленькой деревне, где стали варить отличный сыр. Одновременно на страницах разгорается полемика в защиту А. Солженицына, как ответ на опубликованное 23 сентября книжное обозрение.

«New York Times» представляется более последовательной в своей позиции по отношению к России. Газета, в общем, сохранила тон, свойственный ей как до терактов, так и после. Основными темами, освещаемыми изданием и подпадающими под наш анализ, стали экономическое развитие и Чечня. Время от времени появлялись статьи, представляющие «взгляд изнутри» и характеризующиеся позитивным описанием русской нации⁴³. Положительная картина складывается и при просмотре экономической информации. Издание создает образ страны, все еще имеющей массу проблем, но последовательно и успешно их решающей.

Однако к Чечне у газеты отношение другое. Если в «Washington Times» мы чаще видим ссылки на российские информационные агентства, так или иначе представляющие позицию российской стороны, то «New York Times» выдерживает тон обвинителя. Практически основная тема здесь – нарушения прав человека, убийства и другие зверства, совершаемые российскими солдатами (ни слова о подобном со стороны чеченцев). Сентябрьские теракты не смягчили позиции издания. Единственное и то незначительное изменение, имевшее место, – уменьшение количества таких статей.

Несмотря на возможные ожидания, кардинального изменения отношения к России не произошло (во всяком случае, у двух названных изданий). Однако тенденции к улучшению наметились, и то, смогут ли они развиваться во всеобщий положительный медийный фон, зависит во многом от политических изменений в отношениях двух стран. Анализ показал, что недоверие к России сохраняется и в американском обществе, что замедляет сближение, но в то же время делает его более качественным и, хочется верить, долговечным.

⁴² «Новая смелая Россия» от 26 октября 2001 г.; «Российская экономика выглядит лучше» от 4 февраля 2001 г.

⁴³ «Гражданский дух жив в России» от 10 января 2001 г.

Вопросы и выступления

Аршинцева О.А. – Чем Вы руководствовались при выборе периодических изданий?

Цветкова А.А. – Доступностью, прежде всего.

Аршинцева О.А. – Отличаются ли эти газеты («New York Times» и «Washington Times») с точки зрения политической ангажированности?

Цветкова А.А. – Я думаю, да. Об этом можно судить по тому, какие темы затрагиваются. То есть, когда читаешь статью из «Washington Times», появляется такое ощущение, что газета пренебрежительно относится к России. Этого не скажешь о второй газете. Я думаю, что газеты придерживаются несколько различных точек зрения в политической сфере.

Бетмакаев А.М. – Как Вы в прессе выбирали публикации? Их авторы – это эксперты и журналисты, работающие в Москве, Петербурге или в США?

Цветкова А.А. – Как правило, английские фамилии.

Бетмакаев А.М. – Это собственная информация газет?

Цветкова А.А. – Я сначала хотела взять для анализа только так называемые «передовицы», потому что они представляют, как правило, позицию газеты. Однако достаточной информации не было, потому что сами «передовицы» очень редко были посвящены России или хотя бы как-то упоминали нашу страну. Поэтому приходилось брать то, что было, чтобы получить хоть что-то существенное.

Чернышова Т.В. – При анализе Вы использовали оригинал или переведённые материалы?

Цветкова А.А. – Я не помню, для какой газеты, я читала и тот, и другой варианты, и перевод очень отличался. Так, например, в американском варианте была такая фраза: Путин был назван «freak-controller». На самом деле, «freak» может переводиться не только как «уродец», но как человек, который просто помешан на чём-то, который несколько чрезмерно придерживается определённой позиции. Перевод в российском издании был как «уродец-контролёр». То есть, я думаю, что если сравнивать два варианта, они будут очень отличаться.

Бетмакаев А.М. – И последний в нашей повестке, но не последний по значимости доклад Марины Александровны Кулешовой, ассистента кафедры истории и регионоведения ТГПУ.

Кулешова М.А.

РОЛЬ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОПЫТА В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Я думаю, что с учётом того, что мы сегодня послушали на пленарном заседании и на нашей секции, я буду не совсем не права, если скажу, что я являюсь представителем того направления, которое ориентируется на изменение восприятия тех или иных событий. То есть, я целиком и полностью согласна с позицией по поводу того, что адекватного устранения какого-либо конфликта прежде всего необходимо адекватное восприятие этого события. И с тем, что террористическая проблема у нас сегодня не всегда это восприятие должным образом находит, как уже было сказано в ходе пленарного заседания. Тогда говорилось о том, что выступление Путина по поводу заключения соглашения о военном партнёрстве с США в массовом сознании, вернее сказать у общественности получило не тот отклик, который планировался. Я думаю, что эта проблема неадекватности восприятия, проблема не совсем полноценного анализа того или иного события, явления, и, соответственно, проблемы, кроется в том, что сознание человека или сознание многих людей в принципе не готово к подобным оценкам и какого-либо рода аналитическим выпускам в данном случае. И для того, чтобы это изменить, я считаю, следует изменить ту символическую основу, на которой выстраивались и выстраиваются эти представления и мнения. И мне кажется, что один из основных элементов, способных это изменить, – это элемент формирования новой символической практики, которая основывается на формировании нового символического опыта.

Фундаментальные изменения, которые произошли во внешнеполитической ситуации в последнее десятилетие XX в., привели не только к изменению специфики межгосударственных отношений, но и породили множество проблем как внутрисоссийского, так и мирового характера. Безусловно что терроризм, будучи не только чумой, но и проклятьем XXI в., требует к себе повышенного внимания, как со стороны лидеров государственных образований, так и со стороны всей мировой общественности. Однако стремление уничтожить или свести к минимальному проявлению террористические тенденции рано или поздно наталкивается на ряд достаточно серьезных проблем. В целом, применительно к России, их можно было бы свести к следующей формулировке: отсутствие необходимой практики как по части взаимодействия с другими странами, так и по части выработки индивидуальной позиции. Обусловливается это не

только запоздалым вступлением России в демократический лагерь, но и невозможностью долгое время решать где-то и в чем-то схожие проблемы адекватными методами.

Стремление к практическому участию в международной антитеррористической коалиции подразумевает два типа практик: идеологическую (концептуальную) и деятельностную. И в том, и в другом случаях мы приходим к выводу о том, что требуется нечто большее, чем просто желание подобных отношений. Требуются конкретные предложения по концентрации и глобализации данного вида сотрудничества, что обязывает Россию не только быть в курсе проблемы, но и обладать какого-либо рода наработками для решения этого вопроса. Необходимость жесткой формулировки позиции России как мощнейшей державы, а вместе с тем и соблюдение собственных интересов в мировом лагере будет тем эффективнее, чем обширнее будет российский символический опыт в исследовании и решении подобного вопроса.

Рассматривая любые политические отношения как производные от отношений социальных, мы подразумеваем осуществление процесса постоянного накопления символического опыта, который дает возможность достаточно свободно ориентироваться в данном деятельностном пространстве международных отношений. Применительно к участию России в международной антитеррористической коалиции символический опыт должен обладать несколькими специфическими характеристиками.

Символические отношения, благодаря и вследствие которых формируется этот опыт, с неизбежной необходимостью должны нести в себе информацию о специфике российского менталитета и особенностях российского национального и социального характера. Связано это с той особой мессианской ролью, которую долгое время (в общем-то, и до сих пор) приписывают себе и отечественные политические лидеры, и массы. Идея Всемирного спасения (от какой-либо «темной» силы) не является для России принципиально незнакомой. Воспользоваться идеологическими и практическими разработками по данному вопросу вполне позволяет и обязывает не только символическая база, но и требования современной ситуации.

Локализация проблемы внутри государства позволит не только сконцентрировать на ней внимание российского общества, но и, возможно, выявит какие-либо предложения для ее решения. А постоянное взаимодействие одних групп с другими по данному вопросу приведет не только

к формированию необходимой символической практики, но и к ее структурированности.

Необходимо активное взаимодействие с теми государствами, у которых уже имеется определенный опыт в решении подобных проблем, и с теми, которые являются источниками возникновения подобных проблем. Все это позволит не только определить специфику интересующей нас деятельности, но и выделить в ней наиболее уязвимые места, по которым и имеет смысл наносить основной удар.

Требуется активное взаимодействие с другими членами коалиции с целью не только определить общую позицию, но и выделить приоритетные направления деятельности, которые не ущемляли бы ничьих интересов и позволяли бы скоординировать антитеррористическую деятельность.

И, наконец, нужна адекватная оценка ситуационной и ресурсной характеристик, что позволит не только постоянно быть в курсе динамики проблемы, но и обеспечивать обширное информирование мировой общественности по деятельности данной организации и роли в ней России. В известной степени «прозрачность» коалиционной деятельности позволит стимулировать протекание и развитие антитеррористических настроений, что, в свою очередь, обеспечит поступление очередного символического запаса.

Вопросы и выступления

Причина Е.В. – Я так поняла, что для решения проблемы необходимо более адекватное восприятие, если говорить о формировании символических образов. Пожалуйста, определите субъект и объект этого формирования?

Кулешова М.А. – Я в данном случае говорила о массовом сознании вообще. И в данном случае это субъект.

Курныкин О.Ю. – Вопрос в том, кто должен вырабатывать символический опыт и внедрять информацию?

Кулешова М.А. – Здесь ситуация вот такая. Когда я говорю, что массовое сознание является субъектом, здесь было бы правильнее сказать о круге. И получается, что символический опыт накапливается в процессе символических отношений. Так как в символические отношения вступают люди, то, соответственно, в процессе своих взаимоотношений они как бы сами в себе могут выработать то, о чём я говорю. Но это только один элемент, есть ещё другой – элемент внешнего воздействия. Это то, что мы называем СМИ, системой образовательных учреждений, системой каких-то пропагандистских структур, это то, что влияет на сознание. Моя позиция состоит в том, что людям самим необходимо формировать в себе то, что я называю новым символическим опытом в системе человеческих отношений.

Цветкова А.А. – Как Вы думаете, какие символы должны стать центральными для практики формирования антитеррористической коалиции?

Кулешова М.А. – Я бы вообще не стала конкретизировать, какие символы, я скорее говорю о символических формах.

Бетмакаев А.М. – Уважаемые коллеги, поскольку повестка заседания нашей секции исчерпана, позвольте завершить нашу работу. На втором пленарном заседании, которое начнется через несколько минут, мы вместе с участниками других секций подведем итоги нашей дискуссии. Спасибо всем за участие.